

к актерам. Представители беспутной богемы, порой не лишённые различных пороков, пятен своего ремесла, такие люди, как Счастливец, привлекают Островского своей духовной свободой, своей враждебностью душейной прозе мещанского существования. Я не говорю уже о таких артистах, как Несчастливец, несущих благородные идеалы в искусстве и жизни.

Особую группу персонажей составляют русские люди с крутыми характерами и неистребимым духом вольности. Это и Кудряш, который не боится Дикого, и герой комедии в стихах «Воевода, или сон на Волге» Дубровин, в котором как бы отразился всплеск разинской вольницы.

Наконец, поэтический идеал Островского выступает в его женских характерах. Изолированные от общественной практики своего класса, живущие интересами сердца, героини Островского обнаруживают чистоту душевных помыслов, способность к любви и самопожертвованию. Эта мягкость, нежность и доброта не могут заслонить от нас внутренней силы характера, стойкости и бескомпромиссности отношения к жизни таких женщин, как Катерина и Лариса.

Как видим, идеал Островского неизмеримо шире, богаче и многообразнее славянофильского идеала, основанного на прославлении смирения и кротости, порожденных старым патриархальным миром.

Возможность создания таких многообразных характеров, воплощающих в себе положительную стихию — бескорыстия, свободолюбия, отрицания тирании и гнета, свободного служения искусству, была порождена особенностями русской действительности той эпохи.

Распад старых патриархальных отношений освобождал человеческую личность. Демократический подъем и борьба против отживших крепостнических отношений формировали яркие и сильные характеры. И они получили отражение в драматургии Островского.

Но человеческое в разных формах выступает и в персонажах отрицательных. Носители тяжелых, нелепых и смешных пороков, они тем не менее принадлежат к роду человеческому, и это человеческое противоречиво и по-разному выступает в них.

И здесь одной из форм выражения поэтического идеала Островского является его юмор. Оттеня смешное и нелепое, пошлое и своскорыстное в этих персонажах, он вместе с тем раскрывает и это человеческое.

Клавдий Горепцкий из «Волков и овец» искренне и увлеченно любит Глафиру и выражает эту любовь в стихотворных письмах. Но проявить себя и возвыситься в глазах любимой женщины он может одним: «Глафира Алексеевна, разрешите мне для Вас какую-либо подлость сделать».

Так человеческое приобретает уродливую, нелепую и безобразную форму.

Юмор Островского раскрывает это безобразное (безобразие — начало, сущность комического, писал Чернышевский), но показывает и игру человеческого в этом уродливом и искаженном человеке. Человеческое выступает и в том, что персонажи Островского обладают оригинальностью и психологическим своеобразием. Изображая в «Бешеных деньгах» бездельника и мота Телятева, Островский наделяет его остроумием, умом, неким телячьим добродушием.

Вообще персонажи Островского, даже, казалось бы, очень недалекие, способны понимать жизнь и судить о ней достаточно метко.

Светская дама Надежда Антоновна Чебоксарова (из комедии «Бешеные деньги») ясно видит пороки окружающих ее людей. «Он человек с состоянием, к таким людям надо быть снисходительными. Ведь прощаем же мы прочих. Половина тех господ, которые к нам ездят, хвостуны и лгут ужасно», — говорит она.

Даже глупый генерал Крутицкий заметил, что Глумов чрезмерно льстив и угодлив. Но оправдал его тем, что льстивость в сущности лучше, чем дерзость и вольнодумство.